И память сердца

КОМСОМОЛЕЦ № 6, 1982 г.

«Курсант Амбарян – отличник боевой и политической подготовки. Занесен на доску почета передовиков социалистического соревнования училища» – так был аттестован выпускник училища Амбарян, получивший звание лейтенанта.

С первых месяцев службы в Закавказском военном округе Амбарян зарекомендовал себя дисциплинированным и волевым воином. 15 сентября 1940 г. окружная газета писала: «Тов. Амбарян работает парторгом, ведет большую воспитательную работу среди курсантов и в то же время показывает пример в учебе и дисциплине».

Будучи назначен командиром взвода горнострелковой дивизии, лейтенант Амбарян прибывает к месту службы 17 июня, в самый канун войны.

Дивизия была брошена на иранскую границу. Надо было остановить фашистские войска, пытавшиеся через Иран пробиться к бакинской нефти.

– Это было трудное время, – с болью вспоминает Карó Меликович. – Для того, чтобы продолжить ряд упреждающих маневров, дивизия совершила беспримерный марш-бросок, протяженностью 1200 километров. И это в августе месяце, при 50-градусной жаре, при полной боевой выкладке. От невыносимой жажды и голода погибли лошади. Люди приняли на свои плечи всю поклажу. Но мы опередили немцев. Задача была выполнена.

– В августе 1942 года войска противника были уже в Моздоке и сумели подняться на Кавказский хребет, – продолжает он. – К тому времени я уже командовал ротой, и нас бросили на оборону Белореченского перевала, где действовал 53-й немецкий горно-стрелковый корпус. Надо сказать, что это были отборные головорезы, отлично натренированные для боев в горных условиях.

Эхо боев стократно отзывалось до жути грозными громами, а вокруг была сказочно красивая природа. В глазах рябило от радужных россыпей альпийских цветов. Но нам было не до красот. Мы были зажаты в ущелье: с одной стороны узкая дорога упиралась в отвесную стену, а с другой – проваливалась в пропасть, глубина которой вызывала головокружение. Впереди маячила гора Фишта, то появляясь, то пропадавшая среди скользящих облаков. Наверняка эта злополучная Фишта запомнилась многим нашим бойцам. Оказалось, что ее оседлали немцы, но наши об этом еще не знали. Когда я доложил своему командованию о том, что на Фиште снуют черные фигуры фашистов, мне не сразу поверили. Я повторил свое донесение. И тогда мне поручили провести разведку.

Мы нашли чуть заметную тропку на отвесной скале, и я повел по ней два взвода бойцов. Был облачный день, и мы незаметно стали взбираться все выше и выше. Туман стелился так низко, что мы и не заметили, как оказались у самого немецкого окопа и буквально столкнулись с немцем. Я дал автоматическую очередь, завязался бой, самый ужасный, какой можно представить: впереди фашисты, позади единственная тропка и обрыв. Нам удалось ворваться в первый окоп, и здесь я был ранен в плечо, а через часок очередь из крупнокалиберного пулемета прошила мою каску. Она-то и спасла мою жизнь, но я получил ранение в голову, и кровь обильно стала заливать глаза, лицо. Командир взвода лейтенант Можаров сделал мне перевязку, и я вернулся в строй.

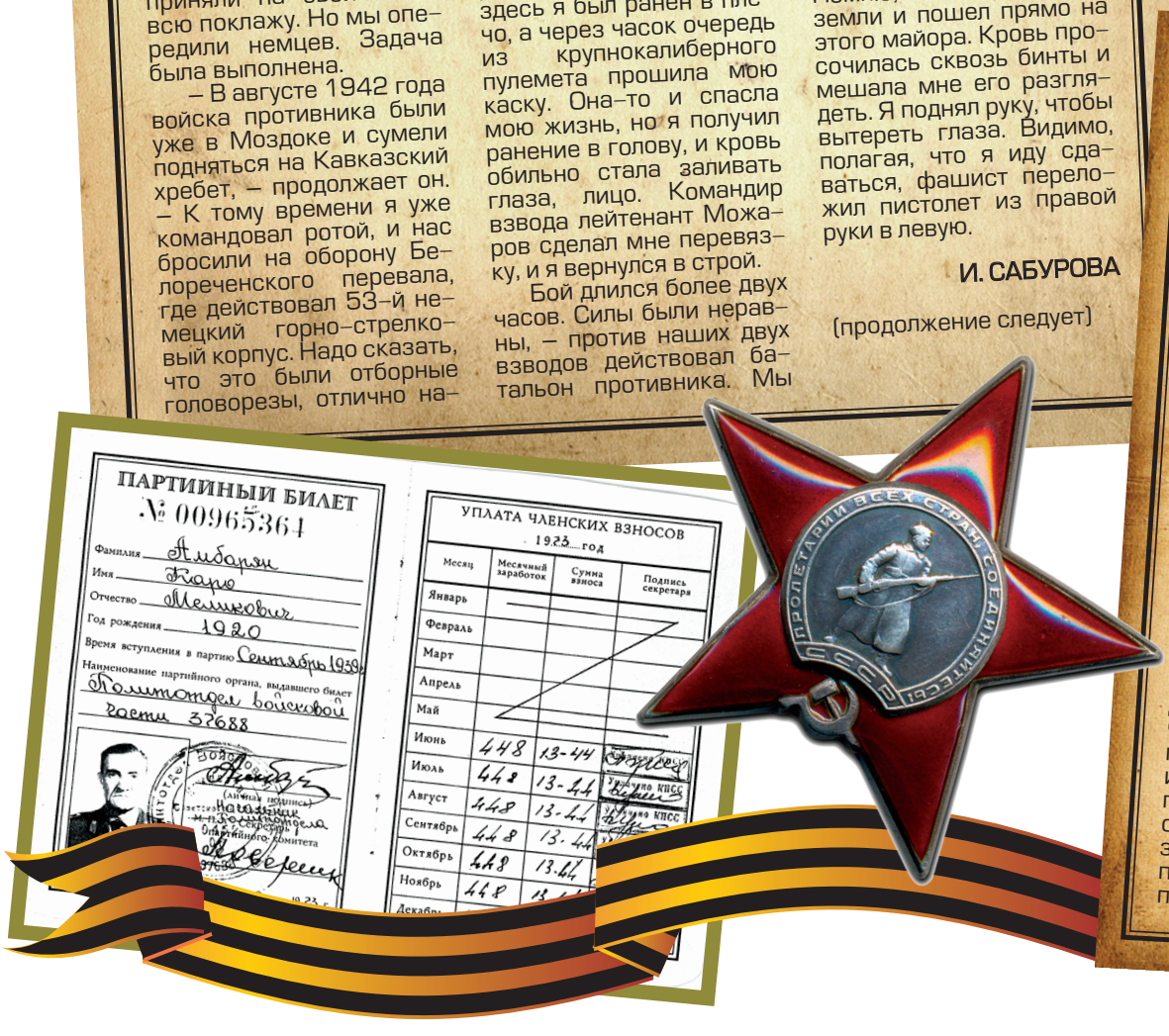
Бой длился более двух часов. Силы были неравны, – против наших двух взводов действовал батальон противника. Мы понесли потери, ведь оказались на дистанции рукопашного боя. Однако удалось выявить систему огня, уточнить наличие артиллерии, минометов и пулеметов. Надо было отводить людей. Оставался один выход: попытаться спуститься той же тропкой, которая вывела нас сюда. Я собрал три ручных пулемета и все имеющиеся к ним диски. Дал команду всем отходить, а сам, расположив эти пулеметы веером, залег. Я обязан был держать тропу, чтобы дать возможность моим товарищам отойти.

Я сейчас не знаю, сколько времени стрелял. Опомнился тогда, когда израсходовал весь боекомплект и сбросил пулеметы вниз. У меня оставался пистолет «ТТ», и я выпустил из него все восемь патронов. Вскоре фашисты догадались, что перед ними безоружный человек, и нагло полезли напролом. Расстояние между нами сокращалось. И тут до меня донеслось: «Рус, сдавайся! Подарим жизнь».

Я осмотрелся. Впереди – до трех десятков фашистов. Рядом глубокая пропасть. И тут я увидел немецкого майора с железным крестом на груди. Нет, он не полз, как это записано в наградном листе. Он стоял уже позади меня, прямо на тропе, и с ним были два автоматчика. Путь для моего отхода был отрезан. Поверьте, за все прожитые годы я так и не смог для себя уяснить, что произошло в дальнейшем. Помню, что я поднялся с земли и пошел прямо на этого майора. Кровь просочилась сквозь бинты и мешала мне его разглядеть. Я поднял руку, чтобы вытереть глаза. Видимо, полагая, что я иду сдаваться, фашист переложил пистолет из правой руки в левую.

И. САБУРОВА

(продолжение следует)



КОМСОМОЛЕЦ № 7, 1982 г.

(Продолжение. Начало в №№ 5,6)

Когда стемнело, последовал приказ: во что бы то ни стало вынести меня из ущелья. Поисковый отряд вынес не только меня, но и фашистского майора. Я пришел в себя уже в военном госпитале, в Сочи, где от хирурга узнал, что из моих рук никак не могли вырвать крест, который, оказывается, я содрал с кителя «моего» немца. Вот видите, в наградном листе написано, что я его сбросил в пропасть, а что летел туда вместе с ним, ни слова. Сейчас трудно поверить в то, что, упав в камни с пятидесятиметровой высоты, можно остаться в живых. Правда, того майора так и не спасли, хотя он жил еще десяток дней. У меня были многочисленные переломы, врачи горестно шутили, что удвоилось количество ребер, им пришлось немало повозиться, чтобы создать человека заново... Выйдя из госпиталя, получил назначение в снайперское училище в качестве командира роты. Потом служил в Баку, в Киевском военном округе. После войны закончил Военную академию имени Фрунзе и был отправлен в Закавказский военный округ начальником штаба части. А последние годы, после демобилизации, в ДОСААФ. Как видите, – закончил полковник Амбарян, – воевал как все! – И повторил: – Как все! А орден Ленина получил за тот памятный бой на Белореченском перевале. И за прыжок в пропасть. Правда, этот своеобразный «рекорд» нигде до сих пор не зарегистрирован, – он попытался улыбнуться, но улыбка не получилась и только горькая складка обозначилась в уголках чуть дрогнувших губ. – Поезжайте в районные комитеты ДОСААФ, – резко переменил он тему разговора, – там вы встретите многих бывших ветеранов войны. Не могут они без армии, вот и пришли в ДОСААФ.

И. САБУРОВА